

An aerial night view of a futuristic city. A large, glowing dome structure is prominent in the middle ground, surrounded by a circular road with lights. In the background, several tall, dark skyscrapers rise against a cloudy sky. The city below is densely packed with buildings, some of which are illuminated.

Сергей Ковальчук

Рай и ад. Книга вторая

Рассказы перенесших клиническую
смерть

16+

Сергей Васильевич Ковальчук

Рай и ад. Книга вторая.

Рассказы перенесших клиническую смерть

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37413739
SelfPub; 2020*

Аннотация

Вторая книга серии "Жизнь после смерти". Помимо «традиционных» наблюдений умиравших, в ней рассказывается о природе греха. И это касается не только смертных грехов, но и, к примеру, лени. Один рассказчик приоткрывает тайну создания человеческой души Господом. Другой уникален тем, что был мертв трое суток, что подтверждено медицинскими документами, и воскрес. С этим человеком происходили поистине великие чудеса. Как, впрочем, и с остальными.

Содержание

Рассказ первый (шестой с начала серии)	7
Рассказ второй (седьмой с начала серии)	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Предисловие

«Нечисты мы – Господь белей снегов,
Темны душой – Господь светлее света,
Мы злобствуем – Господь Сама Любовь,
Его дыханьем сущее согрето.

Так мать не относится к сынам,
Ему же подобает Честь и Слава!
Ужели мало для блаженства нам,
Что есть Всемилосердый и Всеправый!»
(Иеромонах Роман (Матюшин))

Здравствуйте, мои возлюбленные читатели! Перед вами вторая книга серии «Жизнь после смерти». О чем она: опять об аде и о рае? Естественно, да. Но не только. Обещаю, что ее чтение станет для вас занятием захватывающим. Почему? Потому что, помимо «традиционных» наблюдений умиравших, в книге рассказывается о природе греха (страсти, порока). Как он зарождается, откуда берется. И это касается не только гнева, блуда, сребролюбия и других смертных грехов, но и, к примеру, лени.

Один из рассказчиков подробнейшим образом описывает, откуда берутся... души людей. Приоткрывает тайну создания человеческой души Господом, а также рассказывает,

кто и каким образом сопровождает ее в наш мир. Почему, порой, бесплодные становятся способными к деторождению и наоборот. Как на духовном уровне происходит сопровождение таинства зачатия нового человека.

Другой рассказчик уникален не только тем, что был мертв 72 часа (трое суток), что подтверждено всеми необходимыми медицинскими документами, и воскрес. С этим человеком происходили поистине великие чудеса. При разрыве зрительных нервов после неудачной операции после инсульта, и семи лет полной слепоты, он прозрел на молитве в Храме. Сейчас у человека практически стопроцентное зрение. И это, несмотря на преклонный возраст. О том, какие еще чудеса произошли с рассказчиком, повествует эта книга.

В ней так же, как и в первой книге, приведены рассказы пяти человек (все они русскоязычные и верующие христиане), которые перенесли клиническую смерть. То, что они видели, когда душа покинула тело.

Как и в первой книге, я старался записывать за ними дословно. Со всеми словами-паразитами, со многими ошибками в падежах, наклонениях и т.п. Чтобы вы, читатель, могли отличить стиль повествования каждого. Я исключил лишь повторения и явные ошибки, ставя на их месте многоточия.

С Божией помощью, я пишу третью книгу серии. Надеюсь, вы, мои дорогие, ее тоже вскоре сможете прочитать. Как и все остальные. Ищите и найдете! На сайте ЛитРес.

А выводы делать только вам. Ну, с Богом!

Рассказ первый

(шестой с начала серии)

Татьяна, 71 год.

(Украина, г. Одесса)

«Родилась я в сорок седьмом году. Отец мой военнoслужаший, фронтовик, полный кавалер ордена Славы. Естественно, дочку свою он хотел видеть бойцом передового фронта. Поэтому, к семнадцати годам, когда мне в Кремле вручили книжку кандидата в члены коммунистической партии, я уже была кандидатом в мастера спорта по баскетболу, и по мотокроссу. Закончила медучилище с красным дипломом, и училась в мединституте, на повышенную стипендию. Жизнь складывалась так, как хотелось папе, и я была, в принципе, счастливым ребенком. Пока однажды, в апреле, это был шестьдесят седьмой год, меня не позвали в партком, и, собственно, я получила приказ – написать статью о том, что Бога нет.

– Ну, если Его нет, зачем о Нем писать? – сказала я секретарю парткома. А он говорит:

– Рассуждать – это не твое дело, ты пиши. Ты напиши, что Его нет.

Ну нет, так и нет. Я самонадеянно села писать. Но я не знаю, о чем писать.

Я обратилась к папе:

– Папа, а какой первоисточник? На что опереться?

Папа меня всегда учил, что, если я пишу статью, значит, я должна опираться на первоисточники. Когда я писала научно-публицистические статьи, я опиралась на научные книги. Когда партийные – Ленин, Маркс, Энгельс. Это все понятно. А какой первоисточник о Боге? И папа сказал:

– Библия.

Но здесь случилось то, чего я никак не ожидала. Мой папа ростом два метра пятнадцать сантиметров, очень высокий, сильный человек, он поставил меня перед собой и заплакал. Он сказал:

– Доченька, откажись! Откажись, если это возможно. С Богом не шутят!

Я удивленно посмотрела на папу, и говорю:

– Папа, как же так? Ты меня учил не отступать. Ты мне помоги, я обратилась к тебе за помощью, а ты меня расхолаживаешь.

– Хорошо, – сказал папа. – Но Библия, ты ее можешь взять в православной церкви или в библиотеке.

Хорошо, я побежала в православную церковь. Конечно, батюшка не дал мне Библию. Он долго объяснял, что это очень особенная книга, непосвященным нельзя к ней прикасаться... Короче, не дал. А папа достал мне пропуск в биб-

лиотеку имени Горького. Это центральная детская библиотека, где мне из запасника выдали Библию. Пропуск был подписан первым секретарем обкома партии. Сегодня вот моя Библия (*показывает*). Она везде и всюду со мной. А тогда надо было подписать первого секретаря обкома партии.

Ну, мне вынесли эту книгу, я ее листаю туда-сюда, и ничего не понимаю. Она еще и на старославянском. Но, так как я уже более-менее знала латынь, поэтому мне кое-что было понятно. Я прочитала так первую главу, Сотворение мира, Мм... не согласна. Не согласна, конечно. Ну, ладно, это сказка, пускай будет. А потом я читаю: «Авраам родил Исаака, Исаак Иакова...». Я думаю: «для кого они это пишут? Я дипломированная акушерка. Ни один мужчина ко мне на роды не поступал. И они хотят, чтобы я в это поверила?» Я, в раздражении, перелистнула несколько листов. Там, вообще, я запуталась. Непонятно, какие-то войны, какой-то Иисус Навин, откуда он взялся?

Время идет, я смотрю на часы, уже первый час прошел. И мне осталось еще полчаса, а я ничего не понимаю. Думаю: «тогда я поступлю, как делают студенты, когда готовятся к зачетам: читают начало, потом конец, и кое-что в середине. Вот, уже и к зачету готов. Так и я. А там еще лучше: «блаженны те, кто соблюдает Заповеди Его!».. Блаженны. Я вспомнила слово «блаженненький». В Одессе это, как нарицательное – «глупенький». Думаю: «да, хорошая книга, замечательная», и перелистываю еще несколько листов, и читаю: «Савл,

Савл, доколе будешь гнать Меня?» О, за это можно зацепиться!

Савл. Кто же этот Савл? Я перелистнула еще несколько листов, думаю: «Кого он гонит?» Савл. Так он же гонит Бога. Интересно. И в это время я услышала голос. Знаете... этот голос... я замерла. Он прозвучал во мне, и извне, этот голос прозвучал. Я испугалась. Он спросил: «а ты, Татьяна, доколе будешь гнать Меня?» И я вспомнила, папа сказал: «с Богом не шутят». Началось. Началось. Я в ужасе захлопнула книгу, но руку держу в книге. И здесь я сделала то, что себе не позволяла никогда, ни с какой книгой, я очень уважала книги. Я вырвала лист. Я вырвала этот лист и положила в рукав блузки. А книгу закрыла на металлические застёжки и сдала. Я еще спросила библиотекаря:

– Вы мне что-то сказали?

У меня был слабая надежда: «вдруг, это библиотекарь сказала?», а я себе уже нафантазировала. Но такой ответ можно только в Одессе получить, вопросом на вопрос. Она спросила:

– А что вы слышали?

И вот здесь мне по-настоящему стало страшно. По-настоящему! Я говорю:

– Да нет, ничего.

Я выбежала на улицу, вздохнула. Я подумала: «ой, как хорошо! Солнышко светит, люди идут радостные! Апрель месяц здесь очень красивый!» Но здесь меня опять, как моро-

зом обдало, потому что этот голос, он прозвучал на улице. Он прозвучал точно так же: «доколе будешь гнать Меня и Мое имя, Татьяна?» Я оторопела. Я спросила: «Ты кто?» «Я – Бог твой!» Я говорю: «но я Тебя не вижу, я Тебя не знаю». А Он мне ответил: «гонишь, потому и не знаешь!» Я... как такая надежда... я не понимала, что я говорю, потому что я просто испугалась. Я говорю: «но я хочу узнать Тебя!» Не потому, что я, действительно, хотела Его узнать, а просто со страху. «Иди в Дом Мой и узнаешь!» Я говорю: «а где Ты живешь?» «В Доме молитвы нареченном». Я говорю: «это где?» «В Церковь живую!»

«О, Церковь! Ну, конечно, Церковь!» – Я так обрадовалась слову «Церковь». Я побежала по улице. Первая церковь, которая была на моем пути, это Преображенский Патриархальный Собор. Я влетела в него и огляделась: иконы, свечи. Ходит одна женщина в черном. Одни свечки гасит, другие зажигает. Я к ней подбежала, говорю:

– Помогите мне, пожалуйста, мне срочно надо узнать Бога!

Она посмотрела на меня и говорит:

– Кого?

Я говорю:

– Бога!

Она говорит:

– Стой здесь.

А сама пошла, вошла в какую-то дверку. Через некоторое

время она вышла со священником. Он сразу на меня накинулся:

– Как ты смеешь немывтыми устами произносить имя Бога? Я говорю:

– Я умывалась.

Ну, батюшка спросил, кто я, откуда. Конечно, я назвала фамилию и имя, и что я учусь в Одесском мединституте. Все назвала. И что я – секретарь парторганизации. Только не сказала, что мне поручена статья о том, что Бога нет. И он говорит:

– Ты должна покаяться. Ты грешница, ты должна покаяться!

– Я? Покаяться? Да я чиста, как детская слеза! У меня нет грехов.

Ну, он еще на меня покричал:

– Грешница, встань на колени!

Ну, думаю: «если ему от этого станет легче, я встану на колени». Я встала.

Он накинул на меня какую-то черную ткань, как старушка подсказала – стихарь, говорит:

– Читай молитву грешника. – Я говорю:

– Я не знаю.

– Молитву «Отче наш». Я говорю:

– Я не знаю.

– «Дево Мария, радуйся»!

Думаю: «чего бы Ей радоваться?» Я говорю:

– А что, и такая молитва есть?

Ну, батюшка не стал вступать со мной в полемику, говорит:

– Так, повторяй за мной молитву грешника. – Он начал почему-то говорить на старославянском. Я, честно, старалась повторять каждое слово. Я повторяла, я говорила: «Господи, ну вот, я пришла Тебя узнать. И что, теперь я должна бормотать какие-то непонятные мне слова. Господи, когда это кончится? Я задыхаюсь под этой тряпкой, она так неприятно пахнет». Я роптала, говорила... Потом говорю: «Господи, прости меня! Прости! Раз Ты заговорил со мной, наверное, я все-таки грешная. Прости! Я не знаю, за что, а Ты прости за все!» Я так говорила, а потом я заговорила на каком-то языке. Я слышу себя, но я не понимаю, что я говорю. И не могу остановиться. Я думаю: «вот оно, папа сказал: «с Богом не шутят». Началось...». Особенно после того, как батюшка отдернул эту стихарь, схватил меня за шиворот, и потащил к выходу с криками: «Изыди, сатана, изыди, сатана!»

Я не могу встать на ноги. При моем росте метр восемьдесят, и каблуки еще десять сантиметров, поверьте, это ощущение было не очень приятное. А он вытащил меня на порог и толкнул. Ну, я не устояла на ногах, и слетела с лесен, побила локти, порвала чулки. А знаете, в шестьдесят седьмом году они стоили три шестьдесят. Это была хорошая прореха в студенческом бюджете. А он стоит: «изыди, сатана!» И такое меня зло взяло. Я поднялась и говорю: «ты сам сатана!»

Что теперь делать? Батюшка не ожидал такого. Он повернулся и ушел. А я стою, куда мне деваться? Вот и говорю: «вот и узнала Тебя, Господи. Спасибо Тебе». Он молчит. Думаю: «точно, наверное это я сходила с ума». Я была в таком ужасе, что пока домой дошла, потому что сумочку я обронила или в церкви, или когда «летела», не знаю, где-то я ее обронила, что у меня не было ни проездного билета, ни денег. Поэтому, домой я шла пешком.

Папа был уже дома. Ему сообщили, что его дочка молится в церкви. И папа с ремнем мне говорит: «я тебе и Библию, я тебе и все. А ты хочешь, чтоб всю семью посадили? Что ты забыла в церкви? Я тебя туда посылал?» Я попробовала что-то объяснять ему, но папа... знаете, кто проживал те времена – тридцать седьмой, тридцать восьмой годы, сорок седьмой, тот и в шестьдесят седьмом будет бояться. Но он думал, что он меня выгонит из дому, я до вечера похожу, и вернусь. А он меня простит. Но я-то не знала, что он думает, я думала, меня действительно выгнали из дому.

Я ушла. Я шла, себя жалела, плакала. Уже дело к вечеру, дождичек моросит, такой несильный, но моросит, все-таки...

Что указывало на то, что папа не простит. Ну, во-первых, Бога нет, а я пошла в церковь. У меня маленькая сестричка, я воспитывалась... ранее мое детство прошло в детском доме. И папа, он говорит: «ты хочешь, чтобы твоя сестричка узнала, что такое детский дом?» И я очень не хотела,

чтобы она попала в детский дом. Я ношу вот на руке шрам (*показывает*) от утюга. Это воспитательница детского дома так воспитывала нас. Раскаленным утюгом. Она хотела ударить по голове, но я закрылась, и досталось по руке. И то, что мне уже сегодня седьмой десяток, а шрам все еще напоминает.

Я испугалась, моя Аллочка маленькая, она не выдержит этого. Она не выдержит. Я расплакалась и ушла. Я спасала Аллочку. Я спасала свою сестричку. Я шла по улицам и плакала: «спасибо Тебе, Господи. Вот, и Тебя узнала, и дома у меня теперь нет». И иду, сама себя жалею, но я не слышу Его голос. Я не слышала Его больше. Гордым Господь противится. Тогда я этого не знала. И на ропот не отвечает.

Я зашла на окраину Одессы, в район Слободки. Навстречу мне попались люди. Они шли такие благостные. У них были такие довольные, счастливые лица. Женщины в косыночках, мужчины благообразного вида. Думаю: «почему они радуются? Что такого хорошего происходит?» Они подходят, встречаются друг друга. Мужчины целуют друг друга троекратно. Женщины троекратно целуют, приветствуются, и счастливые куда-то идут. Думаю: «почему им так хорошо? Я хочу с ними». Я пошла за ними. Я зашла в тот дворик, в который они заходили. Одесса очень гостеприимный город. Там, если какой-то праздник, вас не выгонят. Вас посадят за стол, так же как... с родными, накормят, и будете веселиться вместе с одесситами. А я как раз проголодалась.

Но, когда я зашла, там не было праздника. Там на скамеечках сидели люди, и они пели. Я и сейчас помню, что они пели. Они пели: «хорошо, когда вместе в общении мы сольемся единой хвалой. Хорошо, когда в битве мы смелы, когда действуем так, как поем». Думаю: «вам хорошо, а я? В битве они смелы, попробовали бы вы сегодня на моем месте». Вот сижу и «бу-бу-бу» себе под нос. Тогда подошла ко мне одна женщина, спрашивает:

– Деточка, ты кого-то ищешь? – Я говорю:

– Бога! – Она улыбнулась и говорит:

– Это хорошо! – И отошла. Возле кафедры стоял мужчина. Он листал какую-то книгу. Мне не видно было, какую... большую. И делал закладочки. Женщина подошла и ему что-то сказала. Он посмотрел на меня, улыбнулся, и подошел. И спросил меня так:

– А к кому ты пришла? – Я говорю:

– К Богу! – довольно агрессивно даже. Все равно ж выгонит. Какая разница? – К Богу, – говорю, – а он положил мне руку на плечо, и сказал:

– Ты пришла по адресу, поздравляю!

Думаю: «интересно». Говорит:

– Мы с тобой побеседуем, если захочешь, после собрания.

Захочешь?

Я подумала: «ну, конечно, захочу, мне же все равно идти некуда».

– Конечно, захочу.

Я сижу, началось собрание, как сказал этот мужчина. Были песни, и не только эти. И я уже подпевала, и мне уже нравилось, я уже расслабилась. И вот, наконец, это была последняя песня. «Слышишь ли ты голос Божий...?» «Ого! Еще как слышу!» «...нежно так тебя зовет». «Ага, нежно!» «Доколе будешь гнать Меня?» Я все комментирую. Каждую строчку я себе в уме комментирую, и один сплошной негатив. И когда он открыл эту книгу и начал читать... Он читает: «Савл, Савл, доколе будешь гнать Меня?» Думаю: «ничего себе». Я вытащила из рукава листочек, развернула, и стала водить пальцами. Но там у меня старославянский, а здесь он говорит мне понятные слова... И я вожу... «о нет! – подумала я, – это я гоню Бога? Который действительно есть!»

Мне стало страшно, потому что он рассказывает – тот гнал Бога, преследовал, но я же не так! А потом, когда во время проповеди он говорит... я подумала: «откуда он меня знает? Я первый раз пришла сюда, откуда он меня знает?» Он все говорит обо мне. Я уже не могу сказать, что я безгрешна, как детская слеза. Нет! Да, я подписывала письма. Когда судили диссидентов, мы разбирали это на партийных собраниях в институте. И я, как секретарь парткома, я подписывала эти письма, где партия права, а этих людей надо судить и выгнать из страны. А эти, как Синявский, как Даниэль – этих, вообще, надо гнать, гнать, гнать. И кто последователи, и девочка у нас, она из верующей семьи была, она этого не скрывала. Когда я предложила:

– Я дам тебе рекомендацию в комсомол, – она сказала:
– Нет-нет, что ты, я – Божья дочь!

Я тогда вынесла это на обком. Вначале на партком, потом было на обком. Девочку исключили из института. И вот это, я все это вспоминаю. У меня проходят, как картины. Я говорю: «Господи, прости меня! Господи, прости меня!» И тут прозвучал призыв к покаянию. Я не думала, что обо мне думают эти замечательные люди. Я шла через всех. Я шла... мне надо было срочно, срочно просить прощения. За все. За те письма, за личные дела, за исключение из института. За то, что судебный врач попросил дать ему рекомендацию, он учился у нас в институте, и ему нужна была рекомендация на открытие визы. Конечно, я ее не дала. Видите ли, он не был активен в комсомоле. Как можно такого человека пускать за границу? Я не думала о том, что я портила жизнь людям. Так, спокойно, мимоходом. Я о нем даже забыла, об этом человеке, и только теперь, на проповеди, я поняла и ужаснулась, сколько зла я сделала. «Господи, прости!»

Я видела, что еще кто-то выходил и упал на колени. И я упала на колени. И я говорила Богу, я говорила все, что у меня было, я говорила: «прости, прости, если можешь, прости меня!» Я не оправдывала себя. И вдруг я опять заговорила на том языке, что в церкви. Я не могу остановиться. Я хочу остановиться, мне страшно, но я не могу остановиться. И тут прозвучало: «Аминь!» Я замолчала, и я вся сжалась: «сейчас меня опять возьмут за шиворот, и с позором выта-

щат из этого зала». (Залплакала). Никто меня не взял за шиворот, а, наоборот, пастор подошел, поддержал меня так за локоть, чтоб я поднялась, и говорит:

– Поздравляю тебя, дитя! Ты знаешь, что с тобой произошло? – Я говорю:

– Я не сумасшедшая! – Он говорит:

– Конечно, нет. Тебя Бог крестил Духом Святым! Аллилуйя!

Я спросила:

– Это хорошо или плохо?

Ну, в зале заулыбались, и когда пастор сказал: «можете поздравить новообретенную сестру в Господе!» Думаю: «неужели сестра?»

Через несколько дней я пришла в партком и положила партбилет. Я сказала, что не могу состоять в двух партиях. Я теперь в Партии Христа. Меня уговаривал секретарь парткома, очень уговаривал:

– Не спеши, подумай, это пройдет, это эмоции. – Я говорю:

– Нет!

Ну, конечно, с партбилетом я лишилась... Его мне вручили в Кремле, я была самым молодым коммунистом Советского Союза. Мне его вручали в Кремле, в присутствии папы, меня поздравляли, папа был гордый. Появилась фотография в журнале «Советский пограничник», газета «Правда» писала. Это все шестьдесят седьмой год. Прошло четыре

месяца. Четыре месяца была членом партии. До этого я была комсомолка, активистка, спортсменка, все как... полный набор коммунистической молодежи (*смеется*).

И, когда я положила партбилет, естественно, автоматически меня исключили из института. Несмотря на то, что я была ленинский стипендиат... Какой мерой меряешь. Я каялась. Я тоже исключала, я давала дело на исключение, настаивала. А теперь исключили меня. Ну, что ж, справедливо. Институт я все-таки закончила.

Пресвитер поехал со мной домой (*после покаяния*). И сказал:

– Если папа будет настаивать и не примет, но ты должна, потому что: «чти отца и мать твою, дабы продлились дни жизни твоей». – Я говорю:

– Он меня выгнал, а его почитать?

– Да. Родителей не выбирают. И ты должна простить отца.

– Если он меня простит, и я его прощу, – сказала я пресвитеру.

– Нет, – говорит, – ты дочь, и ты должна простить отца. И молиться за него. И тогда он простит тебя.

Мне это не совсем было понятно, но, как теперь я понимаю, учение было правильное...

Вначале папа был очень рад, что он обрел меня. Потому что время уже было довольно позднее, и он переживал, как бы со мной чего не случилось. Но, когда он узнал, что его дочь стала сектантка, как он тогда это мыслил, он просто ска-

зал пресвитеру:

– Если вы от нее не отстанете, я вас убью. – Пресвитер ему ответил:

– Вы не можете убить то, что возродил Господь. И будьте благословенны. – И ушел.

Ну, папа пытался меня воспитывать всю ночь. Мы говорили с ним. Но потом сказал:

– Да делай, что хочешь! Что будет, то будет, уйду в отставку.

Таким вот образом. Но, когда меня исключили из института, папа мне говорил:

– А ты что хотела? Все правильно, все справедливо.

Почему отец сказал: «с Богом не шутят». Он сказал, потому что на фронте к нему пришел Ангел, перед боем... Он говорит: «я четко видел: отодвинулась плащ-палатка, и в блиндаж вошел Ангел в белой одежде». Он подошел прямо к моему отцу и сказал: «Михаил, утром атака. Они не вернуться, а ты не бойся, будет больно, – и положил руки здесь, здесь и вот здесь, – но ты останешься жить. И не бойся». Действительно, еще утро не наступило, как подняли в атаку, и отец был ранен в живот. Вот как Ангел положил пальцы, так были осколочные ранения: в живот, в ногу, и руку. Отца контузило, и конец войны он встретил в госпитале, в Алма-Ате. И он сказал тогда, что с Богом не шутят...

Через год я на общих основаниях поступила в институт, в Запорожье. Я закончила этот институт, закончила с крас-

ным дипломом. Начала писать диссертацию. Господь даровал мне мужа. Здесь еще одна история. Я стала членом церкви, но возрождение не произошло со мной, в полном объеме. Потому что мое «я» было даже выше меня...

Мне уже двадцать лет. Все мои подружки замужем, папа мечтает о внуках. А здесь сектантка ждет принца, которого ей даст Господь. Он пришел в церковь и сказал пастору:

– Если до Нового года моя дочь не выйдет замуж, подгоню танк, и сровняю ваш «курытник» с землей. – Это дословно он выразился так.

Церковь стала молиться за меня. Никто ж не знает, что сделает этот полковник. Стали молиться: «Господи, огради, вразуми его, Господи, и дай ей пару!» И Господь проговорил: «не наступит Новый год, как она получит опору в жизни». Это было дословно. Не: она выйдет замуж, а: «она получит опору в жизни», – было сказано. И когда в октябре ко мне посватался лидер молодежи баптистской церкви, я решила: «это оно, то».

Но пастор сказал:

– Ты крещеная Духом Святым, ты будешь томиться у них в церкви. Ты должна перейти к мужу. – И вот, что-то мне мешает. Я ему сказала:

– Это вы просто препятствуете мне. Не хотите, чтобы я уходила в другую церковь. – Я была очень активна в церкви. Может даже, гиперактивна. Поэтому, все:

– Мне Бог сказал!

– Тебе, – говорит, – Бог сказал лично?

– Да. – Я так это...

– И ты уверена, что именно об этом человеке идет речь?

– Да. – Ну, а что, молодой, красивый, высокий. Все сестрички на него заглядываются, а он сватается ко мне. Конечно, мне Бог сказал.

– Послушай свое сердце.

Я подумала: «а если оно молчит. Есть ли оно вообще, это сердце. А тут потерять такую партию. Они его уважают в церкви, у баптистов, значит, и меня будут уважать». Ну, гордость, гордость, моя гордыня.

И вот, день свадьбы. Я заявила:

– Все, раз не хотите нас сочетать, нас будут сочетать у баптистов.

Пошла на беседу к баптистскому пастору. Он согласился. И день свадьбы. Папа вывел меня, посадил в машину, потом в другую машину сели гости. И та машина уехала, а жених садится со мной в одну машину. Я уже в ужасе: «это не положено». Это уже неправильно. Я-то смирилась, а он-то не очень. И ему уже хочется обнять невесту, прижать к себе. Я говорю:

– Ты что? Нельзя! Нам вообще нельзя в одной машине ехать! – А он говорит:

– А кто видит? Мы одни, – говорит, – посмотри. – А это «ЗИМ», опускаются шторы и водитель, как бы, отгороженный. И говорит: – посмотри, нигде никого! – Я говорю:

– Ты туда посмотри (*показывает вверх*).

И мой этот жених, лидер, и он вдруг говорит:

– Ты что, серьезно в это веришь? Что там на тебя «Старичок плешивый» только смотрит?

Меня охватил ужас. Я вспомнила, что сказал пастор. Я так закричала, что водитель затормозил. Я не дождалась, пока машина полностью остановится, выскочила из машины и побежала. Но куда бежать? Я двух кварталов не доехала до ЗАГСа. Всего два квартала отделяло меня от этого неудачного замужества. Домой нельзя, там уже гости вокруг столов ходят. Ну, а в ЗАГС тем более мне незачем, там еще и папа. И это тридцатое декабря. Очень холодно, я в свадебном платье, фату я кинула жениху, потому что он ее покупал, и, вообще, ничего не хочу. Дождь со снегом. Куда? Только в церковь. Только в церковь! Одно убежище у меня. Я покаюсь, я встану на колени... Я себе рисую такие картины, как меня простят. Но стыдно.

Я бегу по потемкинской лестнице вниз, ломаю каблук. Я сняла туфли, взяла в руки, и бегу босиком. Кто-то называет сумасшедшей, кто-то снегурочкой называет... Как только не называли. Там: «девушка, не моя ли вы невеста?» Мне не до кого, все, я бегу, я вот такая... И останавливаю такси, потому что в троллейбус нельзя – у меня ж ни денег, ни билета нет. Таксист спрашивает:

– Куда? – Я говорю:

– На Слободку. – Он захлопнул дверку, и уехал.

Я потом сообразила. В районе Слободки у нас психбольница, да. И, глядя на мой вид, то таксисты так и думали: отсюда и сбежала. Когда я это сообразила, я стала оглядываться по сторонам, кто мне поможет. А из порта, из ворот порта вышли три моряка. Они были в кожаных куртках, такие «мичманки с крабом» – кокарда такая торгового флота. Они мне показались такими взрослыми. Я кинулась к ним, говорю:

– Дяденьки, отвезите меня в церковь!

Один из них взял меня под руку, даже накинул свою куртку на меня. Остановили машину, меня посадили впереди, они втроем сзади. Но я уже не говорю: на Слободку, я команду: «прямо, направо, теперь налево... вот и приехали». Выхожу, я уже надела туфли и шкандыбаю, не босиком же заходить в церковь. Один из них вышел из машины и взял меня под руку. Я оперлась, потому что, действительно, идти было сложно. Мы спустились, а в церкви уже заканчивается служение и идет «молитва благодати», заканчивается. Я смотрю, а старшего пастора нет, ведет помощник пастора. Он подошел и спрашивает:

– Вы Слава? Моему попутчику. Он говорит:

– Да, Слава. – Я потом только узнала: моего жениха несостоявшегося звали Станислав, а этот был Вячеслав... Его спрашивают:

– Вы решили сочетаться у нас? Он говорит:

– Да. – Он не знал слово «сочетаться». Если бы его спро-

силы: венчаться, жениться, он говорит: «я не знаю, что бы я сказал». А слово «сочетаться», то почему нет. Да как-то даже интересно. Они только с моря пришли, приключения. Тем более, что он не подумал, что это церковь, что это серьезно.

– Ну, пройдите, встаньте на колени.

Он держит меня под локоть, говорит:

– Нам сказали встать на колени. – Ну, на колени, так на колени. Я прошла и встала. Я не слышу, о чем они говорят, я думаю, что сейчас придет старший пастор... Что сейчас перед всей церковью, как стыдно. И тут я получаю такой толчок в плечо:

– Тебя спрашивают: да? – Думаю: «неужели он уже все рассказал?» Я говорю:

– Да. Я, вроде как, подтверждаю, что этот, он меня подобрал. И опять в своих мыслях. И здесь, когда меня берут за руку, соединяют с его рукой, и сверху пастор кладет свою, и говорит:

– Властью, данной мне Небом, перед Небом и людьми объявляю вас мужем и женой.

А я руку назад – а уже все. Вот я и попалась. Я говорю:

– Кого? Я его не знаю!

Ну, конечно, когда разобрались, это была трагедия. Послали за старшим пастором. Он говорит:

– Что ты сотворила? Развенчать нельзя. – И спрашивает этого новоявленного мужа, говорит:

– Ты хоть не женат? – Он же по возрасту... Мне двадцать,

а ему тридцать один было. А он так гордо говорит:

– Нет, я холостяк. А пастор ему говорит:

– Нет, ты теперь не холостяк – ты женатый, поздравляю! –

А он удивленно спросил:

– На ком? Ему говорят:

– Вот, на этой. – И вот такая получилась пара (*показывает фотографию*). Только это фотография не декабря, а апреля, из ЗАГСа. Потому что этот мой, так называемый, муж этой ночью ушел в рейс. Он привез меня к себе домой, вручил ключи, документы на квартиру, и ушел в рейс. А когда пришел в апреле, то я не сразу его узнала, кто он такой. Но все-таки, раз мы венчаны, нам осталось только расписаться... И, так мы стали супругами. Господь благословил нас первенцем. Мой муж покаялся, принял святое водное Крещение.

Как быстро он покаялся. Четыре месяца я была «на замечании». Меня хотели исключить из церкви, вообще. Пока он был в рейсе, я была «на замечании». Я не участвовала в Причастии, со мною не приветствовались как с сестрой. Мне говорили: добрый день, здравствуй! Но не говорили: приветствую, сестричка! Это так было тяжело – чувствовать себя отверженной. А когда на святое Причастие Чашу проносят мимо тебя, и ты чувствуешь, что ты вне Тела, ты выпадаешь – это трагедия.

И когда я рассказала на встрече это своему новоявленному мужу, он говорит:

– А кто нам мешает сейчас расписаться? – Я говорю:

– Да причем здесь расписаться? Ты – мирской человек. Я не имею права даже просить, чтобы с меня сняли взыскание. Я «на освящении». Он говорит:

– Ну, я тебе не могу ничего пообещать. – Он такой твердый.

Мы расписались в ЗАГСе, и тогда уже пришли домой. Ну, не в этот день, через несколько дней, я уже стала и по плоти супругой своего мужа. Слава Богу, когда он узнал, что Господь нас благословил, и я жду ребенка, он вышел в церкви поблагодарить Господа за это и сказал: «Господи, прими и меня!» Он покаялся и его стали готовить к водному Крещению.

О свекрови. Моя свекровь – коммунист с тридцатого года. Она имела золотой значок «пятьдесят лет в партии». Очень активная, а ее мать была баптистка, в городе Изюм Харьковской области. И она молилась за свою дочь. Когда я вышла замуж за своего мужа, бабушки уже не было в живых. И Господь поставил меня молиться за мать моего мужа. Значит, она уже и моя мать, раз двое – одна плоть. И я молилась еще двадцать лет. Еще двадцать лет. Девяносто два года (*она прожила*).

Да, *муж стал опорой*. Если бы не мой муж, то, наверное, я никогда бы не вынесла того, через что нам пришлось пройти. Мы были счастливая семья. Первый ребенок наш, первенец, когда ему было десять месяцев, он ушел в мир иной. Он умер от скоротечной крупозной пневмонии. И я – врач

высшей категории, впоследствии кандидат медицинских наук, я не смогла помочь своему ребенку. Он угас у меня на руках. Я очень страдала, когда хоронила его. Потому что мой муж в это время плавал на рыболовных судах. Он был далеко, под Киргиленом. Это возле Антарктиды. Я даже не решилась ему послать телеграмму. И, когда он вернулся, нашего мальчика уже четыре месяца не было на этой Земле. А он вернулся с подарками для сына. Это было тяжело пережить, и, если бы не его великодушие, другой муж, может, бросил, обиделся бы, потому что он возвращался к сыну... Впоследствии я сама узнала, почему. И я благодарю Бога за это. А здесь... у нас родилось еще пятеро детей: три сына и две дочери. Все как по заказу. И мой муж очень любит показывать пятерню. Сын, дочь, сын, дочь, сын. «А вместе, – говорит, – это воины Божьи».

Слава Господу за моих детей. Сейчас у нас уже девять внуков. Жизнь продолжалась.

Были ли проблемы у мужа. Большие были проблемы. В-первых, капитан сразу слетел в помощники, вплоть до третьего помощника. Он был капитан дальнего плавания. Но он же женился на сектантке и сам стал сектантом. Как можно доверять пароход? Поэтому и третьим помощником он был, и вторым. И он просидел массу лет старшим помощником капитана. Потому что ему говорили:

– Вступи в члены партии, капитан должен быть коммунистом. Он говорит:

– Не могу в двух партиях состоять, ну никак.

Поэтому он попадал на самые худшие пароходы. Хотя, за все годы, что он плавал, у него не было даже аварийной ситуации, не то, что аварии. В Черноморском морском пароходстве он чуть ли не единственный такой капитан...

Гром среди ясного неба. Я защитила диссертацию, муж в море. Я очень устала, у меня начались головные боли. Головные боли усиливались настолько, что мне уже не помогали никакие медикаменты. Даже «промедол», который я пробовала себе колоть. Я имела доступ к наркотикам. И «промедол». Дозировки приходилось увеличивать, а боль не проходит. Боль была такой силы, что я, порой, убегала в поле, я каталась по земле, и, извините, я выла. Я уже не плакала, я просто выла и грызла землю от боли. Когда чуть-чуть боль стихала, я отряхивалась, вытирала лицо и шла домой, потому что надо было готовить детям, надо было идти на работу...

И тут муж пришел из рейса, и он ужаснулся. Он уходил полгода назад, я выглядела неплохо. А когда он пришел, он увидел, как он сказал: «тень». И настоял, чтоб я обследовалась. Я не хотела верить в это (*что у нее «рак» головного мозга, догадываясь об этом по симптоматике*). Это могло произойти с кем угодно, только не со мной. Это невозможно. Это я просто устала...

У меня «саркома головного мозга в стадии распада». Жить осталось три-четыре недели. Поэтому и головные бо-

ли, лобной доли головного мозга... Я подчинилась мужу, и я устала от боли. А ему Господь сказал через верного пророка: «она жива будет», и дал видение, что руками хирурга водят руки Бога. И муж стал настаивать. Я не сопротивлялась: развязка скоро, чем быстрее – тем лучше. Я считала, я готова. Я готова на Небеса, все... В своей самоуверенности... И вот операция.

Это декабрь девяносто первого года. Меня привозят, я уже подготовленная, меня положили на операционный стол. Муж подписал массу бумаг, что врачи его предупреждали. Я тоже подписывала, не глядя все это. Мне было все равно. Такое безразличие было. И когда началась операция, я очень боялась, что подействует вначале наркоз, который расслабляет мускулатуру и не подействует глубокий наркоз. Я буду ощущать боль, и не смогу дать понять врачам, что я не сплю, что я ощущаю боль. Поэтому, я очень контролировала, как будет действие, как действует наркоз, и смотрела на бестеневую лампу, которая у меня была над головой.

И вдруг, в какой-то момент, я ощутила, что я смотрю вниз. Я думаю: «как я здесь оказалась? И почему у меня такая неудобная позиция?» Я встала рядом с хирургом и думаю: «он кого оперирует?» То, что я врач, я это осознавала. Я помнила, что я – врач, что я – Татьяна. Я все помнила. Я себя ощущала именно так, как я ощущаю себя сейчас. Вот она я. «И кого оперируют? Я терапевт. Причем здесь операция, наверное, это мой пациент. А почему я не помню,

кто из пациентов?» Я заглянула через плечо хирурга... и отступила назад: на операционном столе лежала я. И я стояла рядом. Какая-то странная одежда на мне. Ну, рубаха, ладно. Ну очень уж красивая. Но не это меня взволновало. Я вдруг подумала: «неужели я умерла? Но так не бывает. Так не бывает! Умерла так умерла, а здесь...». И я еще раз заглянула. Я слышала все, что говорят хирурги. И когда хирург сказал: «должен кто-то выйти, сказать мужу. Он стоит на коленях в коридоре», я сказала: «я выйду!» Они меня не слышали. Но в это время он говорит: «еще реанимация, еще несколько минут есть!»

И разряд. Этот момент, когда разряд, я чувствую, что я с этим телом связана. Понимаете, я связана с ним. Потому что эта веревка, она меня потянула туда, внутрь, в эту боль. Я закричала: «не надо! Я не хочу!» Я упиралась. Еще разряд, еще. А потом профессор сказал: «все, время, снимайте». А я побежала в коридор сказать мужу, что я жива, что у меня ничего не болит, что все в порядке. И профессор вышел и сказал:

– Мы не боги, она ушла. – Я согласилась: «да, я ушла, и слава Богу». А мой муж встал с колен и сказал:

– Неправда, Бог поругаем не бывает! А Господь сказал: «жива будет!»...

Я поняла, что я не могу до него (*мужа*) дотронуться. Коснулась его, но я не ощутила. Понимаете, я не ощутила, тогда как, касаясь себя, я была осязаема для себя.

Мой муж верил, если Господь сказал: «жива будет», значит, так оно и будет. Хотя, объективно никаких не было предпосылок ему так думать. По-человечески, своим умом. Поэтому, профессор и сказал, что успокойте его, покажите, если надо, психиатру, потому что человек от горя... немножко помутилось сознание его.

Оно не помутилось. Слава Богу! А я поняла, что мне здесь делать нечего. Я пошла. В какой момент коридор перешел в туннель, я не осознала. Только мне вдруг стало тесно идти. Я не касалась стенок этого туннеля, но он был узкий. По первому своему образованию я фельдшер-акушерка, проработала на ФАПе полтора года. Это фельдшерско-акушерский пункт. И я почему-то сравнила, что этот туннель очень похож на родовые пути. Наверное, ребенок так рождается. Он впереди видит свет, и движется к нему. Так двигалась я. Но я слышала голоса: вернись, вернись, еще не время.

Я не хотела никого слышать. У меня ничего не болело. Я видела свет, тот яркий, красивый! И я в него выпала, в этот свет. Я говорю выпала, потому что мой выход – его нельзя назвать: вышла. Я выпала, и взлетела. Ощущение было такое, как в детстве, когда папа взял меня из детдома, и он меня подбросил высоко в небо, и поймал. Счастье, восторг, немножко страх и покой, надежность. Вот те чувства, которые овладели мной. Я повторила еще раз, и еще раз этот опыт. И после этого только я заметила, что откуда-то появился сгусток света. Он приближается ко мне, и, по мере его

приближения, я вижу, что это не сгусток света. Это свет идет от человеческой фигуры. Она так красива! Она восхитительна! Она белоснежная, и вот эти золотые и серебряные лучи от нее исходят (*вытирает слезы*). Я думала – это Христос. Я упала на колени, протянула руки, говорю: «Господи! Слава Тебе! Слава Тебе, Господи, я пришла!»

А он остановился, и отпрянул немножко назад, и сказал: «я не Господь. Встань, ты не должна этого делать! Я – Ангел, я – Посланник. А ты должна вернуться». Я говорю: «я не хочу возвращаться! Я не хочу. Ты не знаешь, как там больно! Как там плохо и грязно. Я не хочу, я хочу к Богу, потому что Христос сказал, что Он идет приготовить место. Где Он, там и мы будем с Ним. И я хочу к моему Богу!» «Хорошо, – сказал Ангел, – ты предстанешь перед Господом. Следуй за мной».

Значительно позже, вспоминая эти слова, я отметила – он не сказал: ты увидишь Бога. Он сказал: «ты предстанешь перед Господом».

Мы начали движение. Говорю: начали движение, потому что это не было движением в нашем понимании. С переставлением ног. И в то же время я босыми ступнями ощущала прикосновение травы. Шелковистой, приятной, она ласкала стопы моих ног. Но мы, когда начали движение, я увидела, что это был не туннель, не труба, это была как бы завеса мрака. Сплошная завеса. Как городской смог. И оттуда выходили еще души. У них были красивые светлые одежды. Яркие,

праздничные. Они выходили и, радуясь, шли и видели что-то, чего не видела я в этот миг. Они шли туда: вверх и вперед.

Я залюбовалась ими, но в этот миг я увидела, что из этой завесы выскочила совершенно голая душа. Да. На ней не было ничего. И ужас. Ужас был на лице такой, что этот человек увидел что-то такое, ну, ужаснейшее. Вытаращенные глаза, паника. Он хотел кричать, но крик не срывался. Из его рта не вырывалось ничего. Казалось, он захлебывается собственным криком. И мерзкие лапы, вытянувшись, схватили его за руки, за локти, за голени, и затащили назад туда, в этот мрак. Я встала, как вкопанная. Ангел оказался возле меня и спросил: «почему ты не следуешь за мной?»

Я, указывая на фигуры, которые выходили из мрака, я говорю: «скажи мне, кто они?» «Это, – говорит, – дети Божьи. Они совершили течение на Земле и им готовится венец славы. Они идут пред очи Господа!» Но тут опять выскочила голая фигура, и все повторилось так же. И она с этим воплем была затащута туда, во мрак. Я говорю: «а эти, голые?» «А эти, – говорит, – думали спастись своими делами. Но грехи их не пускают, и у них нет перехода. Они не приняли Христа как личного Спасителя». Я вспомнила: «нет иного имени для человека», – написано. Нет! Я говорю: «что же с ними? Где они?» Ангел сказал: «если Господу угодно, ты увидишь это». Я говорю: «а почему они голые?» «Они лишены славы Божией». И я опять вспомнила, что читала: «одежда праведного – слава Господняя». Истинно так, потому что я

вспоминала Стихи Библии.

Когда я видела все вокруг, я вспоминала: «я же это читала, я это знала. Но почему я не замечала этого на Земле?» «А нам пора» – сказал Ангел. Я посмотрела – на мне была одежда. Слава Богу! Слава Богу! На мне была одежда! Я так этому обрадовалась, что не стала сразу крутить головой по сторонам. А места были удивительно красивы! И вдруг, меня заинтересовал вопрос: откуда свет? Откуда свет, ведь мы находимся значительно выше Солнца. Это не солнечный свет. Это не такой совершенно. Этот свет нежный, мягкий, осязаемый. Свет. Я только хотела спросить Ангела, откуда свет, как я увидела, откуда.

Мы остановились. Мы стояли перед Троном Господа. Я была вот такая маленькая (*показывает рукой – сантиметров десять*). Величественный Трон. И одежды Бога, развиваясь, они скрывали от меня даже Его ноги. Эти одежды, они напоминали... как ранние утренние облака. Когда еще Солнце не взошло, но уже золотит эти первые облачка. Заря их слегка окрашивает в такой розоватый, нежный цвет, а уходящая ночь – в такую нежную голубизну. Вот это золото с голубым и розовым – это был восхитительный свет! Я замерла. Я хотела поднять голову, и посмотреть в глаза Господа. Но Ангел положил мне руку на голову и пригнул вниз. Я упала на колени, и говорю: «пусти! Пусты, я хочу видеть лицо Бога!» Ангел сказал: «Лица Бога никто не видел из живущих на Земле». Я говорю: «но я же не на Земле. Я же на Небе!»

Ангел не успел мне ответить, когда я услышала голос. Этот голос когда-то спросил меня: «Татьяна, доколе будешь гнать Меня?» Этот голос утешал меня, когда я хоронила своего первенца. Этот голос от кафедры обличал меня во время проповеди, а я смотрела вокруг и говорила: «это про ту сестру говорят» или «про того брата, пусть слушает». А Господь говорил мне.

И этот голос спросил меня: «Почему ты не вернулась? Ты же слышала – тебе не время!» Я говорю: «Господи, я хочу к Тебе! Я – Твое дитя. Господи, не прогоняй меня!» «А что ты сделала для Меня?» – спросил Господь. Я не ожидала этого вопроса. Я не ожидала его совершенно. И воскликнула: «Да вся жизнь моя в Тебе, Господи, я отдала Тебе всю свою жизнь! Я дышала для Тебя!»

Лучше было бы мне сразу сказать: Господи, я ничего не сделала для Тебя. Но я такая... гордая. И тут два Ангела вынесли Книгу моей жизни. Вначале я увидела, как вынесли свиток. Рука Господа как облаком накрыла его и сняла печать. И свиток открыли. Я увидела всю свою жизнь. От момента прихода на эту Землю до момента перехода. Всю, полностью.

Во-первых, когда я была в детдоме и меня нашли родители, мне сказали, что я потерялась во время переезда. Из гарнизона в гарнизон переезжали в сорок седьмом году, сами знаете, какое было сообщение тогда, не так, как сейчас – самолеты, и меня просто потеряли, а теперь меня нашли. Но я

увидела... я увидела на берегу моря женщину, которая корчилась в родах. Она родила младенца, перекусила пуповину, и бросила в море. А морская волна выкинула. Тогда она забрала этого младенца, завернула в шаль, побежала куда-то. Она падала, она была слабая от родов, и кинула ребенка на ступени какого-то дома. Я увидела, как через некоторое время вышел мужчина, и этот сверточек покатился вниз. Это был январь месяц.

Он вначале думал, война только кончилась, что это заминировали дом начальника заставы. Но сверток не взорвался, а запищал. Он подумал сразу: «вот это мина». Это я оказалась, а это был мой папа. А женщина – его любовница. Потому что у него была своя семья. Поэтому, сказав, что ребенка подбросили на погранзаставу, начальник заставы спокойно сдал ребенка в Дом малютки, где я и воспитывалась до шестилетнего возраста. Дом малютки, детский дом, и все последующие...

Его жене сделали операцию аппендицита и у нее начался перитонит – воспаление. И она стала бесплодна. У них была дочка, которая вскоре после этого умерла. И они остались бездетными и бесплодными. Они хотели взять в детском доме ребенка на воспитание, но жена моего отца сказала: «у тебя есть дочь. Давай найдем ее, она хотя бы по крови твоя. А я буду ей матерью». И тогда они стали искать меня. К тому времени меня аж в Алма-Ату переправили, в детский дом. Но родители нашли меня, взяли, объяснили, что потеряли

по дороге и теперь они счастливы. И я счастлива, потому что это мои родители.

И только там, на Небесах, я узнала всю правду. А Господь их благословил, и у них родилась еще дочечка, через полтора года. Господь исцелил. Но они меня отдали назад. Как только родилась сестричка, меня отдали опять в детский дом. И через год, когда их девочка опять заболела, Господь послал казашку им навстречу. В толпе. Вышла женщина, они несли больного ребенка из больницы, потому что сказали: она умирает, пускай хотя бы дома умрет, а к ним подошла женщина и сказала: «и эту похороните, как похоронили первую, потому что семья твое, – обратилась к отцу, – взывает к Богу». – И исчезла, растворилась в толпе. Ну это Казахстан, там своя специфика, там просто к женщине не подойдешь. Но все равно, чтобы расспросить, пока они сообразили... мама или папа кинуться за ней, она растворилась в толпе, и все.

И тогда, придя домой, жена сказала: «Михаил, мы должны забрать ее. Мы должны забрать, потому что мы потеряем и эту». Они забрали меня. Аллочка выжила. Слава Богу, у меня есть сестричка.

Я все это видела. Но я говорю Господу, что я всю жизнь Тебе отдала. И я вижу свою жизнь. Ничего я не пожертвовала Господу. То, что я не участвовала в пьянках-гулянках, я не любитель шумных компаний, я никогда не курила, мне нечего было бросать. И, в принципе, я ничем не пожертвовала, абсолютно. Я жила как жила: посещала церковь, воспи-

тывала детей, ходила на работу. Все. А Господь спрашивает: «что ты сделала для Меня?» Я говорю: «я молилась». И я вижу свои молитвы как на экране: «дай, Боже! Сделай, Боже! Помоги, Боже! Вдохнови, Боже! Вразуми, Боже! Огради, Боже!»

Давал, делал, вразумлял, ограждал. И как редко: слава Тебе, Боже! Благодарю Тебя, Боже!» Ну, разве что в церкви, когда был призыв: давайте возблагодарим нашего Бога! Ибо, у каждого есть, за что благодарить Бога сегодня! И я тогда благодарила. Но так: «Господи, благодарю Тебя, благодарю, благодарю...» – ни о чем. Просто так, как попугайчик. Но были моменты, когда я восклицала: «Господи, слава Тебе, что Ты не слышал моей вчерашней молитвы! И не ответил». И я увидела – слышал и ответил, только не так, как я хотела. А во благо мне. Даже когда Господь не дает нам то, что мы просим – это нам во благо. *(Плачет)*.

И тогда я сказала: «Господи, я платила десятину». И я увидела, как я платила. Господь сказал: «ты исполняла Закон!» Но десятина, друзья, – это не только материальное. Это не наши ценности. Это не деньги. Господь просит от нас десятину всего, то есть, времени. Я увидела, как из-за Трона вышел Малахия. Еще прежде, чем он начал говорить, я уже знала, что это Малахия. Откуда пришла эта память, я не знаю. Но он прочитал. Он держал в руке скрижали и прочитал: «хорошо ли человеку обкрадывать Бога?» И я тоже, как его современники, прошептала: «чем я обкрадывала Тебя, Господи?»

«Десятинами и приношениями своими!» Слово «приношение» я до этого, вообще, не замечала. Но это и время. Время! В сутках двадцать четыре часа. Оказывается, два часа сорок минут принадлежат Богу по Закону. И Господь сказал: «ты исполняла Закон. А что ты сделала для Меня?» «Господи, я читала Библию». Я вижу, как на большом экране, как я читаю Библию. Вот оно, утро. Я проспала, нервничаю. Одной рукой я бужу детей, другой я ставлю чайник на плиту. Я хватаю Библию, надо же прочитать одну Главу, как говорил пастор. Обязательно надо утром прочитать одну и вечером... «Господи, ну почему 118-й Псалом именно сегодня? Именно сейчас? 118-й Псалом – это самый длинный Псалом в Библии! Господи, я прочитаю 149-й, он коротенький». И я читаю 149-й. А Господь говорит: «Я говорил к тебе, а ты закрыла уши твои. Я говорил тебе: исследуй Писание, а ты читала его. Ты не желала слышать то, что Я говорил!» Я говорю: «Господи, ну я не знаю, что я должна была сделать». Что бы я не сказала, получается, что все не так. Я делала для себя. Молилась: «дай!», читала слово невнимательно... и, собственно, так, лишь бы... Десятину, и ту я не полностью отдавала. Я считала, что я имею право потратить ее сама. А Малахия читает: «принесите все десятины и пожертвования в Дом-Хранилище Мой, чтобы в Доме Моем была пища». По-моему, я дословно сейчас это сказала. А я распорядилась сама. А ведь Господь меня не ставил на это место. Есть левиты. Есть избранные Богом тратить Его казну.

И я говорю: «я не знаю, Боже. Я читала, я ничего не помню, не знаю...». «А что Я сказал Апостолу Петру и брату его, Андрею, когда позвал следовать за Собой?» «О, Господи, Ты же с ними общался целых три года, Ты много им говорил». Я опять выигрываю время, я тяну. Моя земная привычка вот эта, я ее затащила даже на Небеса. Попыталась затащить даже на Небеса. Ангел подсказывает, он говорит: «следуйте за Мной, и Я сделаю вас...». И я добавила «ловцами душ человеков». Я так обрадовалась, что я это вспомнила. «Да. И сколько душ ты привела ко Мне?» Я замерла. «Где сноп твой? Покажи Мне дела свои».

Я в ужасе посмотрела на свои руки. У меня один колосок. У меня в руке один колосок. Вы понимаете? И тут я увидела, что до этого мгновения было скрыто. Оказывается, я не одна стою у Трона. Стоят другие души. И у них их Ангелы держат полные корзины плодов, а они держат снопы. У некоторых душ даже руки не сходятся, такие снопы. А одна душа кладет сноп к подножию Трона, а у нее оказывается в руках другой сноп, и она опять кладет. А у меня один колосок. Мне так стыдно. Один колосок. Это мой муж.

О детях. Я думала – да (что она привела детей к Богу). Еще пять колосков должно было быть в моей руке. Но, увы, нет. Я не научила своих детей любить Бога. Я их научила бояться Бога. Господь показал мне, как я притаскиваю детей в церковь, как я их силой сажаю, как я на них рычу: «руки!» И мои дети сидят на передней скамеечке, и смотрят на пас-

тора, на проповедника и... тихо ненавидят Бога. Я когда это увидела... мои дети... они ненавидели Бога. И это благодаря моему воспитанию. Поэтому, каждый из детей мне принес горькую чашу. С каждым я выпила эту чашу.

И то, что сегодня мои дети служат Богу, а мои внуки впереди родителей бегут в церковь, потому что Господь дал моим детям мудрого отца, который научил их любить и почитать Бога. А я своим воспитанием довела среднего сына до того, что он пытался покончить с собой (*плачет*). Дочка убежала из дому. Сын хотел уйти добровольцем в Афганистан, старший. Это все надо было пережить. И это посеяла я (*плачет*). Не муж, как я думала, нет. Я винила его: «да ты моряк, ты не воспитываешь детей», нет, это делала я. Стыдно. Очень стыдно сейчас. И я просила прощения у своих детей впоследствии. И слава Богу!

Но тут раздался голос. Этот голос тоже был властный, но мерзкий, пакостный голос. Он расхохотался на все мои слова, и потребовал: «отдай ее мне! Здесь ее плоды, здесь!» Я повернулась посмотреть, кто это. Это пришел дьявол. Это он. Он принес целую корзину моих плодов. Он был не в черных одеждах. Нет. Но это не были такие яркие, красивые одежды. Он маскируется. Но глаза. Его глаза полные ненависти. Он смотрел на меня злорадно. Он имел право, и он требовал: «она служила мне!» И эта корзина, которую я ему набрала за короткое время: от последнего исповедания до момента смерти. Это только мои не исповеданные грехи оказа-

лись там.

И я испугалась. Я поняла: если сейчас Господь скажет: бе-ри, – это будет справедливо. Это будет справедливо, вы по-ни-маете? Он (*Господь*) ему ничего не сказал. Я увидела Гол-гофу. Вы понимаете? Я увидела Голгофу! И Христос... как Ему было больно! Вы знаете – вселенская боль была в Его глазах... и такая же любовь! Он с сожалением смотрел на меня, а я кричала: «Распни!» Это я! Я там, у Креста, потря-сая кулаками...

Я закричала: «Господи, ну как такое может быть? Я же не жила две тысячи лет назад!» А Господь ответил: «грех твой тот же!»

И сегодня, согрешая, друзья, мы распинаем Христа. Помните это, ибо у Господа нет времен! Только ради этого Креста (*у нас есть шанс*). Потому что дьявол исчез. А Гос-подь сказал: «дитя, ты куплена дорогой ценой!» Я плакала, я зажмурилась. Но Господь взял меня вот так за голову (*по-казывает*) и отер глаза. Я ощутила Его руки! Он сказал: «ты дорогой ценой куплена. Дорогая цена плачена за тебя. Ты увидишь то, что немногие видели, вернешься и расскажешь людям, что время приблизилось. Пусть покаются!»

Вне тела я была 72 часа – там это были мгновения. Мы оказались возле ворот прекрасного города. Когда я увидела эти жемчужные ворота, и они открылись, и я увидела золо-тые улицы, я поняла – это Небесный Иерусалим. Он пустой. Он ожидает Церковь. Я видела стеклянное море, и легкий

туман, как вуаль невесты над ним. На море тоже никого нет. Это место для Церкви. Для невесты Агнца. И эта вуаль невесты. Мы шли дальше, мы оказывались на разных местах. На одном месте я увидела, как Херувимы и Серафимы восклицали: «Свят, Свят Бог Саваоф!» Это было такое восхищение и удивление. Я спросила Ангела: «чему они так восхищаются?» А он сказал: «они думают, что они познали Бога, а Господь им открывается глубже, и они не могут сдержать своего восхищения и изумления».

Я видела пастора из Ганы, брата Нельсона. Меня очень удивило. Гана – это на юге Африки страна. Он был негр здесь, на Земле. И я вскричала: «брат Нельсон, а почему ты не негр?» А он улыбнулся и сказал: «потому что и ты не белая». Я посмотрела на свои руки, вы знаете, не такая кожа, а жемчужная, подсвеченная изнутри. И мы с ним были одинаковые.

Мы оказались на другом месте. Я видела много знакомых, друзей, наших старцев, которые уходили в вечность.

О молодых людях. На струнных инструментах, я не знаю, как они называются, они играли. И Ангел им показывал, как. Одного из них Ангел отделил и подвел ко мне. Говорит: «смотри, кого я привел к тебе!» Я смотрела и не узнавала этого юношу. А он открыл уста, и сказал: «мама, поблагодари Бога!» Мой сын. Мой сын! Но я же его похоронила десятилетиями. Он – взрослый юноша. Я у него спросила: «сынчик, почему ты так рано меня покинул? Почему так рано

ты меня покинул!? Я так страдала! И твои пятеро братьев и сестер заменили тебя!» А он сказал: «поблагодари Бога, мама! Если бы я остался на Земле, я никогда не попал бы на Небеса!»

Слава Богу! Порой, то, что мы принимаем за наказание – это милость Божия! А мы оказались опять на другом месте. Меня заинтересовал один плод. Потому, что на этом дереве были и цветы, и незрелые плоды, и созревающие, и совершенно спелые плоды. Они так благоухали. Запах напоминал и розу, и малину, и еще что-то такое, как сандал. Я хотела наклонить ветку и рассмотреть плод, только протянула руку, а ветка сама наклонилась и положила мне плод в руку. Я вдыхала аромат, и славилась Бога: «как Ты велик, мой Бог!»

Но, я увидела еще строение. Такое, как пряничный домик, очень миленький, славный. Я спросила: «кто там обитает?» Именно таким словом. Не «живет», а кто там обитает. Ангел сказал: «войдем, и увидишь». Когда мы вошли, я увидела – это мой отец. Но не семидесятилетний старик. Понимаете? Он такой, как мой сын, он молод. Я его таким и не знала никогда. Я говорю: «папа, ты здесь!?» Дело в том, что мой папа не был членом Церкви, но перед смертью он успел покаяться. И Господь простил его. И он на Небесах! И слава Богу!

Он сказал: «возблагодари Бога, ибо я, как головня, выхваченная из огня!» И он пел. Он пел – «Великий Бог». Он пел: «славьте Бога, славьте всей душою!»

Он никогда там не был (*в церкви*), он не знал ни одного

Псалма. А здесь аж два я услышала из его уст. Первое, что он сказал: «Танечка, тебе же рано!» Значит, он знал время, когда мне прийти. Когда Ангел сказал, что я вернусь, он отступил. Он не приблизился ко мне. Сказал: «она вернется». И он сказал: «скажи матери твоей: я не хочу, чтобы она попала туда, куда она сейчас идет. Пусть покается». Да, в то время моя мама пила.

Я спрашивала Ангела: «тебе Господь сказал, где наши? Покажи мне наших!» А он говорит: «я не знаю, о чем ты говоришь. Здесь все наши. Здесь все дети Христовы. Все Божьи дети. Смотри». И я увидела Александра Меня. Да, друзья, православный священник. Я – евангельская христианка, пятидесятная. Я была уверена, что спасается только наша церковь. В то время я была уверена именно в этом. Но, когда я увидела Александра Меня, я его знала лично здесь, на Земле, я не могла ошибиться, я была очень поражена. Я увидела и других, с других деноминаций. Но, здесь не было деноминаций, здесь была Церковь Божья, здесь были дети Божьи...

Об аде. Мы переступили завесу мрака опять. В лицо ударил смрад, вой, скрежет зубов – это ужасно. Вой от боли, смрад горелого тухлого мяса, тухлых яиц, сероводорода. И все это если умножить многократно! Моя кожа натянулась сразу, и чуть не лопнула. В аду нет воды. Там даже пара нет, там едкий пар кислоты. Но не воды. Потому что Христос есть вода живая. Я схватилась за Ангела. Если на Небесах он ме-

ня держал, и я все время пыталась освободиться, то здесь я схватилась за него двумя руками. Я просто боялась, что он меня потеряет здесь.

И мы оказались в первом круге, где эти, голые. Они... их не мучают. Но пламя ада настолько близко. Оно их обжигает. И они видят открытые Небеса. Они видят то, что потеряли.

Нижше. Я увидела, как бы, аквариум, наполненный газом. И в нем плавали недоразвитые души, человеческие зародыши. Они кричали! Они так кричали, что мне стало жутко! «Не убивай меня, мама, не убивай! Я буду любить тебя! Я хочу жить! Разрешите мне жить!» Они обращались к отцам: «спаси меня!»

Я спросила Ангела: «кто это? Почему они так кричат?» Ангел сказал: «это души, которые должны были прийти в мир, и совершить свое течение в мире. Но, родители-убийцы не пустили их родиться!» Это аборт. Поэтому они и выглядят такими недоразвитыми. Но тут я увидела, что, как бы, рука... Я не могу сказать, что я точно видела руку, но, как бы, рука в облаке коснулась, и одна душа поднялась, и исчезла. Потом другая. Я испугалась за них. Куда они исчезают? Что происходит? И почему они здесь? Ангел сказал: «здесь они содержатся для того, чтобы свидетельствовать против родителей-убийц». Я говорю: «но Бог не нуждается в свидетелях, Он Сам все знает». «Но, когда придут на Суд убийцы, чтобы они не сказали, что Господь лжец. Они сохраняются для этого». Я говорю: «а куда они исчезают? Что с ними дальше

будет?» «А это, – говорит, – родители покаялись. Родители покаялись, и грех прощен». Она освобождается, эта детская душа. Господь ее взял туда. Я говорю: «и что с ней дальше будет?» «Это знает Бог» – сказал Ангел.

Когда мы произносили с ним «Господь» или «Бог» – слова, или «Иисус», ад начинал скрежетать, вопить, и рвался на нас. Бесы, демоны, при том, оказывается, они разные. От таких мелких бесенят (*показывает рукой – сантиметров пять в высоту*) до здоровенных. Они рвались, и они бы нас уничтожили, если бы Господь не ставил ограду. Они ударялись как о стекло, и отлетали. Мы были недосыгаемы для них даже в аду. А почему они зверствуют? Им самим плохо в аду. Они там страдают. Они тоже хотят пить. Им тоже страшно это пламя. Поэтому они мучают души. Они стараются угождать...

Идем дальше (*спускаются ниже*). Я увидела свою бабушку. Я увидела свою бабушку, вы понимаете? Я только что видела своего отца, ее сына, на Небесах. Как головня, выхваченная из огня. И моя бабушка, у которой была целая стена икон. Она знала массу молитв. Но это были номинальные молитвы. Она их заученно произносила, отбивала поклоны, а потом... лгала. Поэтому два здоровенных демона вытаскивали ее язык... они раскаленными щипцами вытаскивают ее язык изо рта. И от этих щипцов язык горит медленно-медленно, больно-больно. И она выгорает вся изнутри. И, вот, когда кажется – лопнула, сейчас этот прах рассыплется и

мука прекратится, на этот прах падает неостывший кусочек языка из щипцов. И она опять восстанавливается. И опять сначала. Уже более тридцати лет она там. (*Плачет*).

Это – ложь. Ее на селе называли «черноротой». Ее язык ее же и погубил. И идолы не спасли ее.

Мы шли дальше. Я видела котлы. И на этих котлах надписи. Я не поняла эти надписи, и спросила Ангела: «что там написано?» Ангел сказал: «тут написано: «баптисты», «методисты», «конгрешане», «православные», «пятидесятные», «католики»... Я говорю: «как?». «Да, – говорит, – они здесь». И вдруг, я увидела пастора. Я его знала, он служил в нашей церкви. Я ходила на его проповеди, мне так нравилось, они были такие грамотные и интересные.

Я говорю: «Господи, ну как такое могло быть? Ведь выходили люди, каялись. Я ж видела, что люди каялись». И тут голос прозвучал с Небес: «Он говорил правильные слова, и Я открывал сердца навстречу слову, и люди каялись. Но Меня он не пустил в сердце!» Я не помню место в Библии, но я помню, что сказано: слушайте, что они говорят, но не поступайте по делам их.

Газовое облако. Там души разъедает как кислота. И вот они мучаются. Остается, ну, кусочек мизинца остается, уже вот, сейчас истает, и он кончится от боли... И опять вся душа восстанавливается. Я говорю: «почему такое?» «Равнодушные. Они думали, что спасутся своим равнодушием». Да лучше бы ты был горячим или холодным – говорит слово Бо-

жие. – Холодного можно разогреть, а равнодушного – нет.

Последнее дно. Когда мы спустились до девятого круга, там девять кругов ада – один страшнее другого...

Геенна огненная. Это огненное озеро. Смрадное огненное озеро. Пустое, в нем ничего нет. Но огонь пожирающий, понимаете? Он живой, этот огонь. И он ждет. Он ждет, когда ему будет брошено. Дьявол закидывает душами. Бесы стараются закинуть туда души, в надежде, наверное, что им места не хватит. Но души не долетают. Я видела падших ангелов. Они не выходят на поверхность. Они презираемы и там, в аду. И тоже ждут Суда. Они еще надеются (*выбраться*). Потому что они ждут Суда. Они помнят, что один раз Христос уже спускался туда. И вывел... и вывел – они это помнят, они это знают. И поэтому, они надеются, что Христос еще раз спустится и возьмет их на Суд.

Последнее дно (продолжение). Последний круг ада – это, как бы, приемная дьявола. Он сотворил маленькую дверку в тронный зал свой. Потому что он знает, что ни бесы, ни демоны, ни падшие ангелы ему не поклонятся. Они взбунтовались бы, если бы они не боялись его. И поэтому, он сделал маленькую дверку. Чтобы к нему войти, надо наклониться хорошо. Таким образом он получает поклоны. Бесы и демоны, которые ходят по Земле (*к нему входят*). Они входят внешне как люди. Я видела бизнесменов в костюмах от «Версаче». Я видела бизнес-леди и нищих, покрытых струпьями. Все сословия. Проституток и гомосексуалистов. Все сосло-

вия представлены там. Но это – демоны и демоницы. Один демон шел, он шел буквально по головам. Он топтал всех, он вошел как победитель. Он что-то нес в своей лапе. Когда он разжал, я увидела, что это... это душа. Это душа человека, связана. Он поклонился, он вошел, он представил эту душу. И вышел довольный оттуда. Потому что дьявол ему сказал вселиться в это тело. Он сказал: «эта душа продана за власть!» За власть! О, ужас! Я узнала эту душу. Я узнала. Он живой, этот человек, сейчас. Именно за это впоследствии нас выгнали из страны.

О том, как выглядит Земля с Небес. Для меня очень неожиданно было, когда открылось Небо, и я увидела всю Землю. Но не как глобус, и не как карту в меркаторской проекции, а плоско. И каждую точку на Земле я видела очень четко. Дно океана, каждый дом, крыши на домах, как бы, были сняты. И я видела людей бодрствующих, и меня поразили их лица. Как много безобразных лиц. Понимаете? Безобразных, некрасивых лиц, отвратительных, можно сказать.

Я спросила: «Господи, почему так много отвратительных лиц? Я же только что была на Земле, я видела очень милые лица». И Господь сказал: «ты видела маски, которые они надели на себя. А теперь ты видишь сущность».

Я видела спящих, и кто навевает им сны. Люди ложатся спать, имея что-то в своей жизни, о чем они думают перед сном. И в зависимости от этого, или Ангел навевает сон и дает грамотные решения проблемы, или бес навевает ужасы,

кошмары. Я увидела, как бесы принимают облик людей, и входят в сон. Я спросила Господа, говорю: «почему они это делают? Почему они претворяются людьми?» «Это, – говорит, – те, кто потеряли своих близких, но не отпустили их. Этим пользуется бес, чтобы от их лица давать советы живым».

Я увидела сразу не только всех людей, все дома, но и церкви. На одних колокола раскачивали бесы, притом они прыгали с колоколен на плечи людей, они шептали им мерзости в ухо, и люди... «а ты слышал анекдот?.. – начинали делиться этим. И в таком вот состоянии они заходили в церковь. И там другой бес, черпая огонь из ада, давал им поджечь свечку. Когда они зажигали свечку и думали: куда, к какой иконе поставить, следующий бес подхватывал, и вел его. А там уже запрыгивал в эту икону, и подставлялся – это ему огонь.

Нет, это не во всякой церкви. Поэтому я и сказала, что видела такие церкви. Они разные. Я видела православный Храм, куда с благоговением стекался народ. И там читалось слово Божие, а бесы не могли приблизиться. Они даже вынуждены были спрыгивать с тех, кто их нес. При входе. Они не могли туда пройти. И я сказала: «Господи, наши же церкви, наверное, чистые?» Евангельские церкви. И я увидела свою церковь. Я увидела свою церковь, как мои братья и сестры идут на служение. Я увидела себя. Как я раздраженная, невыспавшаяся, потому что у меня было ночное дежурство, я тащу своих детей. И вот это раздражение... на меня

цепляется бесенок. Он перепрыгивает и щипает моих детей. Младший сын начинает капризничать. Я продолжаю раздражаться. Вот я их привезла, притащила, посадила на первую скамейку, пригрозила, что Бог все видит. Бог все видит!

И сама отошла, села сзади. И началась служба, и мои дети сидят, сложив ручки на коленках. Они смотрят на служителя, на проповедника, и тихо ненавидят Бога. Я это увидела. Мне стало страшно. Мне стало страшно, и я поняла, почему впоследствии каждый из моих детей дал мне выпить горькую чашу...

Об аде. Мы спускались по кругам, и я видела знакомые лица. Я видела тех, кто ушел в вечность. Я думала, что эти люди спасенные, они шли на Небеса, а на самом деле некоторые из них попали в ад. Я увидела, как бесы, такие они, похожие были как на... кузнецов, в таких же, как бы, кожаных передниках с секирами в руках. Они рассекали души. Вот они рассекли пополам – каждая половина корчится от боли. Они рассекают дальше, и каждая отпадающая часть – она корчится от боли. И вот они уже изрубили, ну, в фарш, в мелкие кусочечки изрубили. Кажется, сейчас вот оно рассеется и муки прекратятся. Но это все вместе соединяется, и душа восстает опять. И опять начинается то же самое. Я опять увидела знакомые лица. Я закричала: «почему? За что им такая мука?»

И Ангел сказал: «это те, кто делал разделение». Я говорю: «я не поняла, какое разделение? О чем ты говоришь?» «Они

делили Церковь, Тело Божие, и теперь они ощутили разделение в полном объеме. Они, ища своего, разделяли семьи. И теперь они ощущают это разделение. Они делали разделение на работе, ища своего. И они нашли свое – теперь делят их». Это ужасно!..

В Турции (будучи изгнанными с мужем из Украины *и потерявшими все*). На следующий день мы опять пришли в полицейский участок. Полицейские были страшно удивлены.

– Как, – говорит, – вам христианин не помог? Мы, мусульмане своих не оставляем. – Мы вынуждены были сказать:

– Он не христианин, он притворяется.

Они приняли этот ответ, хотя очень усомнились. Но через несколько дней они нам сказали, что они нашли другую церковь. Они искали для нас. Они прониклись состраданием. Они видели нашу покорность и что мы не прячемся, мы не воруем, а что мы только славим Господа.

Мы бежали туда, в церковь, но оказалось, что этот зал снимают только по воскресеньям. А это только вторник. Нам пришлось опять идти на вокзал, и опять все сначала. Но ничего. Наступает воскресенье. Конечно, мы идем, и я говорю: «Славик, мы такие чумазые». Мы снегом вытерли руки, лица. Но все равно, мы идем в церковь Божию, пред Бога. Господь усмотрел и это. Когда мы пришли в ту гостиницу, где снимался зал церковью, мы пришли очень рано, за два часа до служения, Господь нам показал, где можно умыться. Мы умылись и привели себя в порядок.

Так как перед операцией я перенесла химеотерапию, три сеанса, и облучение, мои волосы выпали. То, что вы сейчас видите (*показывает свои длинные черные волосы*), этим волосам всего четыре года. Они так растут. А до этого я была лысая. Мне очень легко было привести себя в порядок – помыть и все в порядке.

Мы вошли в зал. Нам предложили представиться. Муж встал и на английском языке сказал... а это была церковь, созданная для работников посольств. Для евангельских христиан, которые во всех посольствах есть. И мы представились. Муж сказал, что мы христиане-пятидесятники, за проповедь слова Божьего выгнанные из страны. Пастор спросил:

– А где вы живете? – Муж сказал:

– На вокзале.

Богатому американцу очень сложно было понять, что «на вокзале» – это в зале ожидания, на полу. Он думал – в отеле, на вокзале. Поэтому он спросил:

– Вы желали бы, чтобы мы помолились за вас?

– Да, конечно, мы бы очень хотели этого.

Мы вышли вперед, за нас молились. А потом, после собрания, сказали: вы не уходите, потому что мы переходим на общение за столом. За чашкой кофе. Конечно, мы радовались. Мы перешли в другой зал, на общение. И я мужу сказала: «не вздумай съесть больше одного печенья». Мы две недели ничего не ели. Вот одно сухое печенье и маленькая чашка чая. Мелкими глотками.

Я услышала звонкий голос мальчишеский над головой: «а почему вы запрещаете мужу кушать?» На русском языке, в Турции, в Анкаре, в англоязычной церкви. Мы очень удивились. А мальчик сказал: «а я гагауз, с Молдавии. Я здесь учусь в университете, и Бог так милостив, что ответил на молитву мамы. Здесь нашлась евангельская церковь».

Мы пересказали свою историю. Этот молоденький брат, Николай, он побежал к столику, за которым сидел пастор. Он ему все пересказал. Пастор подошел к нам, и плакал. Он шел, и плакал. Он просил: «простите меня, чтобы и Бог меня простил». Конечно, мы тоже просили у него прощения, потому что нашего английского не хватило донести... весь трагизм нашего положения.

Мы больше на вокзал не вернулись. Слава Богу! А еще через несколько дней Господь дал нам работу.

Куда их поселили. Это была гостиница. Притом пять звезд. Роскошный номер. Конечно, первое, что мы сделали, мы сняли с себя одежду и приняли душ. Но мы уже не имели сил что-либо кушать. Легли и уснули. И только через двое суток я проснулась от того, что меня держат за руку. Это был врач. Пастор позвал врача, потому что мы спали не просыпаясь. Он испугался за наше здоровье, и позвал врача. А врач сказал: «ничего, они просто спят. Они просто истощены». Господь очень быстро восстановил нас. А еще через несколько дней мне предложили работу семейного врача к первому секретарю немецкого посольства. Как говорится: «из грязи

да в князи».

Когда первый секретарь водил нас по своей квартире, показывал:

– Это ваша комната, это санитарный блок: ванна, туалет, а это ваша сауна... извините, что сауна маленькая. Мы ска-
зали:

– Мы извиняем, нас это устраивает. – Он говорит:

– Наверное, у вас, в Украине, была больше? – Муж гово-
рит:

– Да, в центре города – там большая.

– Питаться будете с нами за одним столом, какая нужна
одежда – составьте список, мы вам купим эту одежду.

В общем, нас взяли на полное обеспечение. Плюс к этому
еще сто пятьдесят долларов в месяц. Муж спросил:

– Что, за это все еще и платят? – Хозяин наш не понял. Но,
когда наступила среда и мы собрались в церковь, он очень
удивился. У него были другие планы, у нашего хозяина.

– Когда вы еще, – говорит, – в церковь? – Я говорю:

– В пятницу, и в воскресенье. – Он говорит:

– Как? В пятницу мы едем на уик-энд в Анталию. Вы по-
едете с нами! – Я говорю:

– Вы же обещали, что мы будем посещать церковь. – Он
говорит:

– Да? А какая необходимость? Я плачу своему пастору (он
лютеранин был) и он за меня молится. Давайте я заплачу ва-
шему, и пусть он молится. А мы поедем в Анталию. Мы ему

объяснили, почему надо молиться. И теперь, заходя наперед, скажу, что через год этот человек и его семья приняли Христа как личного Спасителя. Слава Богу!

Мы год прожили у них. За этот год его четверо детей, страдавшие экземой, были исцелены Господом. И к нам началось такое отношение – уже очень многие работники разных посольств хотели забрать нас к себе. Уговаривали: и в Австралию поедем, и туда, и сюда. Но Господь сказал: «вошли в дом, приняли вас, стойте там». Так мы и поступали. Мы не искали ничего, что неудобно было Господу.

Но прошел год. И опять Рождество. И вот мы в церкви, на коленях, Рождественская ночь. На Западе празднуется с 24-го на 25-е декабря Рождество Христово, а не так, как у нас – в январе. И мы стоим на коленях, и Господь говорит пастору теперь уже, что мы должны встать и идти на Болгарию. Мы очень удивились. Муж сказал: «да, Господи, на Болгарию, значит, на Болгарию». Заметьте, уже не через молодого брата. Через пастора говорит Господь для меня. Я встала с колен и сказала: «Господи, я принимаю. Только давай весной, а? Весной? Холодно!».

Друзья, покорного Господь ведет, а упрямого тащит. Это точная пословица. Потому что на следующий день нас уже арестовали. Турецкая полиция, в которой мы каждый день отмечались, вдруг приехали и сказали, что надо переоформить документы.

У хозяина... он, как первый секретарь, давал Рождествен-

ский праздничный обед. Прием был такой. И для этого был куплен новый костюм моему мужу, а мне платье. И я должна была вывести детей вечером перед гостями. Дети должны представиться, и потом я их так же должна была увести, положить спать и вернуться, принять участие в банкете.

Но, когда я привела детей, я услышала звон вилки. Я обернулась, и увидела посла Украины. Да, он присутствовал на этом банкете. Это бывший начальник Черноморского морского пароходства, который знал нас лично. Он держал десерт, и десертная вилочка выпала у него из рук. Потому что он думал, что нас уже съели акулы. А мы тут, хорошо одетые, сытые и довольные. Слава Господу! Он тут же заспешил и ушел. Он ушел с банкета, чтоб не объясняться. Но уже на следующий день приехала полиция и, сказали, что, вот, Новый год и мы должны по новой переоформить документы. Хозяин еще спросил, надо ли им переодеться, ему сказали: нет-нет, достаточно вот так, мы их берем в машину и машиной их привезем, все. Они не сказали одного: что возьмут они нас машиной, и привезут не документы заполнять, а в тюрьму. А когда они нас повезут машиной, то уже совсем в другое место.

Нас привезли, опять побили, нас кинули в камеру. Пока ничего не объясняли. Вначале у нас искали деньги. Ну, какие деньги? Не найдя ничего, избили еще больше. И кинули... знаете, оказывается, в Турции, я до этого не знала, есть две тюрьмы. Та – зиндан, тюрьма, где ямы, там содержатся

убийцы. И нас кинули туда, в этот зиндан. По верху ходила охрана. Там не кормят. В турецкой тюрьме не кормят. Если у тебя есть богатые родственники, то они будут платить – тебе будут приносить какую-то еду. Но это не значит, что ее не отберут у тебя сокамерники. А, если у тебя, как у нас, нет никого, нам даже стакана воды никто не дал. А меня кинули вместе с мужем в мужскую камеру. Но Господь не позволил надругаться надо мной этим озверевшим убийцам. Хотя они и кинулись на нас. Я потеряла сознание, и муж говорит, сразу же охрана подняли нас наверх и обследовали меня. Врач обследовал меня, и он сказал. Что, муж не понял. Но нас перевели в другое место, и ночью куда-то повели.

Мы долго шли по коридорам, потом через двор, и зашли в другое здание. Нас завели в роскошный кабинет. Такая кожаная мебель красивая, картины, карта за спиной человека, сидящего. Он встал, увидел нас избитых, и стал очень сокрушаться:

– Как же так, как же так? Я разберусь, вы только не обижайтесь! И, вообще, – говорит, – ты капитан? Мужу. Он говорит:

– Да.

Мы тебе дадим пароход. – Он говорит:

– Ты врач? – Я говорю:

– Да, врач.

– Мы тебе дадим клинику. – Я говорю:

– С чего бы это?

– Вот, за моей спиной, – говорит, – карта Турции. Покажите город, где вы хотите жить, и мы вам купим дом, или квартиру – что захотите. – Муж спросил:

– А что взамен?

– О, сущий пустяк. Совсем сущий пустяк. Не стоит даже говорить. Сейчас сюда зайдут люди, это корреспонденты. Радио, телевидения, некоторые корреспонденты газет, и вы только скажете, что вы принимаете зеленое знамя ислама. Ведь ваш Иса все равно ничего не может. Так они называют Иисуса.

Мой муж выпрямился во весь свой рост, и сказал:

– Покайся, Христос идет!

Турок этого не ожидал. Это был министр внутренних дел. С ним никто не разговаривал так. Он попятился, запнулся за собственное кресло, и упал. Он закричал. Вбежала охрана, свистнула дубинка, и моя рука опять повисла, потому что сломалась ключица. Эта боль вернула меня на мое место. А нас уже больше не уговаривали. Нам угрожали, кричали, что, если мы сейчас не примем ислам... Уговаривали мужа, что обрезание – это совершенно не больно, что он напрасно боится. Он говорит:

– Я боюсь обрезания сердца, а не крайней плоти. И Христос есть Бог! Покайтесь, пока не поздно!

Ну, посмотрел министр, что с такими упрямыми каши не сварить. Нас кинули опять – теперь уже в женскую камеру, где женщины, там содержащиеся, начали танцевать перед

моим мужем. Им сказали, что, если они сохратят мужчину, их выпустят. Это оказались девушки из бывшего Советского Союза, которые ехали в Турцию на заработки. Когда они ехали, они не были проститутками. Это были танцовщицы, это были няни. А в Турции их отдали в дома терпимости. Когда нужда в них отпала, их сдали в тюрьму.

И вот, когда нас обыскивали, а то, что вот такая вот Библия (*показывает маленькую Библию*) вот такая маленькая Библия находилась у мужа за поясом брюк, ее просто не заметили. И он всю ночь читал девочкам этим о Божьей любви, о блуднице. Потом, впоследствии, мы одну из них встретили в Болгарии. Она... не просто Господь ее вывел оттуда, она покаялась. И Господь дал ей мужа. Это служитель в Ямболе. Может, ради этой души Господь и позволил так обращаться с нами и кинуть нас в эту камеру. Слава Ему! Слава Господу!

Нас куда-то повезли. Вывели среди ночи. Мы видели, что это ночь, нас затолкнули в микроавтобус и куда-то повезли. Турки были очень злые. Они ругались между собой, они кричали на нас. А нас такая радость захлестывала, такая радость! Вы знаете, как будто нас везут на праздник. И мы пели. Мы начали петь. Мы стали славить Бога. Мы пели: «Слава Богу! За все Ему слава, Он имеет на это право!» Друзья, у меня нет ни голоса, ни слуха, но я знаю, что все, что я пою, оно, хоть маленькой ромашечкой, хоть незабудочкой, долетает до Небес. Слава Господу, что Он принимает и это хваление! (*плачет*).

И вот нас привезли куда-то. Машина остановилась. Мы вышли, мы увидели горы в долине. С этой стороны домик и несколько будок, там будки, домик. Да, это граница. Я узнала, потому что отец пограничник, я много была по границам. Но какая? И тут турок сказал:

– Мы вас привезли расстрелять! А вы радуетесь. – А муж говорит:

– Ну, расстрелять, так это ж хорошо – домой! – И мы запели: «птички Божьи, домой собирайтесь, вам к отлету настала пора».

– Чего вы радуетесь?

– Домой-домой, в небеса! – Тогда он сказал:

– Нет, мы вас не расстреляем. Вот идите туда – это граница, это болгарская граница. Не хотели мы... я, не хотела идти сразу в Болгарию, как сказал Господь, вот Он меня и приволок теперь. Опять болгарская граница.

– Вот ваши паспорта граждан Советского Союза, да еще и просроченные, – говорит, – вас болгары не пустят, и мы не пустим назад. И куда вы денетесь оттуда?

Мой муж... Господь так дал ему веру и стойкость, он спокойно сказал:

– А у Господа есть еще Лестница Якоба. И Ангелы ходят туда-сюда. Значит, и мы поднимемся! Она где-то здесь, – говорит.

Я хочу сказать, что мы пришли в Болгарию. Мы, когда подошли к болгарской границе, и протянули погранични-

ку наши паспорта, он разговаривал по телефону. Он полистал один паспорт, поставил штамп, потом другой, и говорит: «влезай». Так мы вошли в Болгарию.

Мы пришли в Болгарию тогда, когда пало советское правительство. Январь девяносто пятого года. Пало советское правительство. Болгария была на грани революции. Господь нас привел в Софию. И уже в первый день мы стояли среди христиан Софии, на улице. Вышли все христианские деноминации. Два православных Синода в Болгарии: проамериканский и пророссийский, католики, все протестантские движения: баптисты, методисты, конгрешане, пятидесятные, Божья церковь, харизматы – все, кто исповедует Христа, вышли на улицы.

На каждом перекрестке стоял служитель, и читал (*непонятно – по-болгарски*). А народ, взявшись за руки, в посте, пел Богу: «Бог, да пази Болгария» – Боже, храни Болгарию. Народ Твой поднимает руки к Небу. Народ Твой в посте, Боже, храни Болгарию. Народ Твой молится. И мы пели вместе со всеми.

Танки развернулись и ушли. Революция закончилась. Так спокойненько, за два дня. Ни одной капли крови не пролилось. Где-то в эти же годы вспомните Москву. Чуть раньше. И Прибалтика, сколько крови пролилось там. Как погибли молодые люди под гусеницами танков в Москве. Но Господь много может сделать, когда молится народ Его. И мы это почувствовали и ощутили на себе.

Четыре года мы жили в Болгарии, и связи с домом не было. Ни с мамой, ни с сестрой, ни с кем. И только в девяносто девятом году нам удалось связаться. Когда я позвонила дочери, и она подняла трубку в Москве, моя девочка потеряла сознание. Она услышала голос матери с того света. Она же думала, что уже шесть лет нас нет на белом свете. Но мы были здесь. Она была счастлива. За этот год мы возобновили контакты. Даже приехал младший сын к нам в Болгарию (*плачет*). Все налаживается, все хорошо., все прекрасно. Я посчитала страны и говорю:

– Славик, это седьмая страна! – Бог сказал тогда в семи странах... где мы служили. Было больше стран, значительно. Но страны, где мы именно больше месяца служили своим свидетельством. – Нам домой пора!

Мой рассудительный муж сказал:

– Ты забыла, что еще «огонь», сказал Господь, а тогда наша держава. Я говорю:

– Тебе что, огня мало? Мне так выше крыши! – Он говорит:

– Господь не переставляет слова местами. Сказал: вначале семь стран, а потом огонь, будет именно в такой последовательности. И слава Ему, что Он не меняет Свое мнение и Свои слова!

Ну, ладно. Я не знала, какой будет огонь. Я его узнала. Я его узнала в девяносто девятом году. Нет, уже двухтысячный наступил. В двухтысячном году, в ноябре месяце. Как

вы впоследствии увидите по документам. Возвращаясь с работы, я выходила из городского транспорта, но почему-то оказалась в больничной палате. Почти сутки прошли между этими двумя мгновениями.

Моя операция была не закончена, там оставалась аневризма – это перерастяжение сосуда. И вот эта аневризма лопнула. Семь сантиметров сосуда лопнуло. И кровоизлияние в мозг. То есть попросту, как в народе говорят, инсульт, обширный. И нам предложили операцию. Никогда не попадайтесь на удочку, которую дал враг – бесплатно.

Чем все закончилось после бесплатной операции. Когда я пришла в себя, я поняла, что я парализованная и слепая. *Условием этой операции было, что надо будет взять спинномозговую жидкость. Не только ее взяли. Хотя мы вчера говорили с нейрохирургом, ему не совсем понятна позиция этого хирурга. Но, во всяком случае, он мне повредил спинной мозг. И меня парализовало, я ослепла. Потому что во время операции был сделан разрыв зрительных нервов. Их разрезали. Мне поставлен был диагноз: «паралич и атрофия, и разрыв зрительных нервов, помутнение стекловидных тел».*

Все, я слепая «довечно», как впоследствии написали по-украински. *(Плачет и показывает документ, где видна эта запись).* «Пожизненно инвалидность первой группы по зрению». Печать и подпись.

Как после повреждения и атрофирования зрительного

нерва она снова прозрела. Нам разрешили вернуться, потому что президент Болгарии Петр Стоянов обратился к президенту Украины. Тогда уже был другой президент, Кучма. И нам разрешили въехать. Для погребения. Пока тело дышит, его легче... меньше бумаг заполнять. Так мужу и сказали в посольстве: «ну, ладно уж, вези пока дышит». Но, как видите, я дышу и сейчас очень неплохо. С двухтысячного года. Четыре года в инвалидном кресле и семь лет полной темноты. Полной темноты!

Мы, когда вернулись, у нас был праздник со слезами на глазах. Я не могла говорить и двигаться. Я не ощущала... ко мне прикасались дети, плакали. Я их слышала, но я ничего не могла им сказать. И я плакала вместе с ними. У меня каптились слезы, но я их не видела, как и детей. Я не видела моих внуков. Я только троих, старших, помнила маленькими, а у меня девять внуков. Шестерых последующих я никогда не видела.

И мама с сестрой стали уговаривать моего мужа: Славик, тебе семьдесят лет, что ты думаешь? Отдай ее в интернат. Ты будешь посещать, за ней будет уход. Она – «растение», это «кабачок», понимаешь? Зачем тебе эта обуза? Тебе надо делать документы! Мы походатайствуем, ее примут в интернат». Я слышала. А никто не стеснялся, все это говорилось при мне. Потому что думали, что, действительно, «растение». Действительно, «кабачок», который ничего не понимает, не соображает... А «кабачок» не просто слышал, а еще

и страдал от этих слов (*плачет*).

Но мой муж сказал:

– Нет! Когда нас сочетали браком, я дал клятву Богу: в радости и в горе; в здравии и в болезни мы будем вместе!

Это именно то, что сказал Господь: «Я дам ей опору в жизни!»

Развязка. Вначале Господь восстановил мой двигательный аппарат. Вначале руки: левая рука... появилась чувствительность. Врачи разводили руками. Они говорят... Я сама врач, я понимаю. Такого больного я бы, и сама не взялась лечить. Но мне кололи массу уколов. Потом просто сказали: все, это бесполезно. Вот когда они сказали: это бесполезно, я встала с инвалидного кресла. Господь ждал. Как та женщина, страдающая кровотечением, когда она поистратилась на врачей, тогда она сказала себе в сердце: «прикоснусь ко Христу и исцелюсь!» Так и я. Когда я уже услышала себе приговор, я сказала: «Господи, ну если я вот такое «растение», Боже, то употреби меня где-то на другом месте. Пересади, или как? Но Ты же сказал: «иди и расскажи людям!» Как же я могу идти, если я не могу ходить?» И Господь поднял.

Но, я слепая... Я слепая. Я уже двигаюсь, я хожу с палочкой по улицам. Я уже могу зайти в магазин и спросить, что мне надо. Или на базар, и протянуть кошелек, чтобы оттуда взяли деньги. Потому что я не могла различать эти бумажки. Еще монетки – куда ни шло, а с бумажками совсем туго было. Ни разу никто не обманул слепого. Слава Богу!

Но я стала молиться: «Господи, ну дай мне зрение! Господи, Ты же слепому Вартимуею дал зрение, Ты исцелил! Тому брение положил на глаза, этому сказал, что: «прозри!» Скажи мне что-нибудь, чтобы я прозрела!»

И я услышала: «зачем?» «Как зачем? Я хочу видеть! Я хочу видеть своих внуков!» Господь молчит. Я молюсь день, два, месяц, второй, третий. Господь молчит. Муж говорит:

– Что ты сказала Богу? – Я говорю:

– Я хочу внуков видеть! Я хочу двигаться, я хочу быть опорой тебе! – Он говорит:

– Богу это не надо. – Давай молиться вместе, я буду тебя подкреплять. И стали молиться вместе, мы взяли пост, и тогда Господь задал вопрос мужу моему: «зачем?»

И я сказала Господу: «Господи, я так ослабела! Я хочу читать слово Твое. Я зависима от людей. Кто придет, мне почитает, кто говорит – ему никогда. Я ослабеваю, Боже! Я ослабеваю в вере. Я хочу читать слово Твое!» И Господь промолчал, ничего не сказал нам по молитве, с мужем. Это было перед Вербным воскресеньем 2007 года.

В воскресенье, как обычно, муж меня привел в церковь, посадил. И вот идет проповедь. Идет воскресная проповедь, и наш епископ, Сердюченко Петр Владимирович, он говорит о слепом Вартимее. Как он мне потом сказал: «я говорил о духовных слепцах». А я это приняла. И когда он провозгласил слова Христа: «так прозри!», я открыла глаза. Знаете, меня слепую водили в черных очках. Потому что слепые

глаза, они крутятся, неприятное зрелище. И я когда увидела в очках... «прозри», я увидела свет! Впервые за семь лет я увидела свет!

Когда Иисус спросил:

– Чего хочешь ты? Вартимей сказал:

– Прозреть!

И я повторила за ним: «прозреть!» – И здесь прозвучало: «так прозри!»

И я открыла глаза. И этот свет! Я сорвала очки... у нас купол в церкви – оттуда свет. Этот яркий свет. Я зажмурилась и стала бояться открыть глаза, но я опять открыла. И я закричала на весь зал: «я вижу!»

Проповедник замолчал, повернулся и говорит:

– Что ты видишь? – Я говорю:

– Вас, брат Петя, вижу. – Он спрыгнул в зал с кафедры, подошел ко мне, и спрашивает:

– А мой галстук какого цвета? – Я говорю:

– Желтый. – И тогда он закричал:

– Аллилуйя! Аллилуйя! – Он взял меня за руку (*плачет*), вывел к кафедре, дал Библию, и здесь я поняла: а вижу-то я одним глазом. Я просила у Господа: «ну, если два нельзя, дай мне один глаз! Ну дай полглаза, Господи! Только бы я могла читать!» И я, когда открыла Библию, вернее, он открыл Библию и дал мне, я посмотрела: я вижу одним глазом, но я вижу. Я вижу!

«Как дождь и снег исходит с неба, и туда не возвраща-

ется, но напояет Землю и делает ее способною рождать и произращать». Это 55-ая Глава Исаии, Стих 10. Посмотрите этот шрифт. (Показывает очень мелкий шрифт). Это моя карманная Библия, которая всегда находится со мной.

Прошло еще четыре месяца... А когда я села, муж говорит:

– Я так счастлив, что ты видишь! – Я говорю:

– Славик, я вижу только одним глазом... А он говорит:

– Чего просила один глаз? Ты чего просила один глаз? Надо было два просить!

Друзья, просите! Ложная скромность перед Господом ни к чему. Просите и дано будет! А если вы не получаете – не на добро просите. Не на добро просите. Тогда не получаете. Господь все равно отвечает.

Через четыре месяца я уже видела двумя глазами. Но Господь не стал ждать эти четыре месяца. Следующая неделя была Пасхальная, а еще через неделю Он меня послал в Харьков. Я поехала одна.

Сейчас ее зрение. Вот эти очки минус ноль двадцать пять. Когда я пришла... я ж не могу врать... Я не могу врать, меня Господь исцелил. Я пошла засвидетельствовать, и говорю: «я вижу». Меня посадили перед компьютером. Потом они что-то крутили компьютер. А потом врач сказал: «так, ничего она не видит. Я говорю:

– Как это?

– У меня компьютер показывает – слепая. Так что, тебе

верить на слово? – Я говорю:

– Дайте я вам почитаю.

– А ты, – говорит, – Библию выучила наизусть. – Я говорю:

– Так я ж не буду знать, какая страница... *(показывает снимки глаз, из которых видно, что она видеть не может).*

Я готова продемонстрировать на любом уровне. Но инвалидность мне не сняли. Профессор, у которого я наблюдаюсь сейчас в клинике Филатова, она сказала:

– Я не знаю, как вы проделываете эти фокусы, но я верю своему компьютеру.

Сегодня я чувствую себя прекрасно. Слава Богу!

Друзья, все что написано в этой Книге *(берет со стола и показывает Библию)*, правда. Все, до последней точки. Все, что я читала в «Откровении» Иоанна, я видела на Небесах, и в аду. В моей жизни Господь явил такие чудеса, которые он являет в вашей жизни. Он являет каждому из вас. Только остановитесь, и прославьте Господа! Прославьте Его, и держитесь за Его руку! Он не оставит. Мать оставит дитя свое, моя мать бросила меня в море при рождении, а Господь спас! Меня сдали в Дом малютки, а Господь спас! Меня хотели утопить в Южно-Китайском море, а Господь спас! Нас кинули в тюрьму, а Господь вывел! У нас отобрали все. Да, друзья, у нас не было даже смены одежды, а Господь нам дал!

Да, сейчас наш дом только строится. Мы живем пока в полуподвальном помещении. Но это – наш дом! И он строится. И слава Богу! Не копите на завтра – думайте о сегодня. Ду-

майте сегодня, потому что сегодня уже не повторится! И вы ничего не исправите. И помните: когда я уходила (Господь отправлял меня с Небес), Он сказал, что время приблизилось. «И плоть твоя не узнает тления, как Церковь возьмет-ся!»

Спешите! Ведь завтра уже может не блеснуть! Аминь!»

**Рассказ второй (седьмой
с начала серии)
Александр, 18 лет, монах.
(Россия, Владимирская область).**

«Здравствуйте, мои возлюбленные братья и сестры во Христе, Господе нашем! Я, наименьший из всех вас брат во Христе, хочу вам рассказать историю о том, как я пришел к вере. Меня зовут Александр Александрович. Я родился 18 сентября 1998 года. Был совершенным атеистом. Был в неформальной вере. Бабушка у меня верующая, всегда за меня молилась. Неоднократно просила меня ходить, ставить свечки помогать ей, в Храм. И записки отдавать. Но я всегда, все время смеялся над этим, и думал, что все это бред полный. Что никаких богов, ничего этого нету. Что люди придумали это себе для того, чтобы наживиться на доверчивых людях. И неоднократно, когда бабушка давала мне записки, денежку, я просто не доходил до храма. Часто с друзьями своими смеялись даже над тем, что люди ходят там в храм, и так далее. И даже оскорбляли так, шли по дороге, некоторых священников, смеялись над ними, и так далее. Думали, что все это – полная чушь. Что ничего этого нету. Что это своя

какая-то политика, чтобы хорошо жить людям.

И вот, в 2014 году, бабушка очень сильно заболела у меня, и попросила сходить поставить свечи, написать записки в храм «Державный», в Чертаново. В итоге, я, почему-то, странно, но согласился ей помочь, в этот день. Хотя, я должен был идти к своим друзьям, и тусоваться, как говорится, с ними, выпивать, курить, а так как родители у меня были обеспечены... ну, обеспечены, даже по сей день, всегда давали денег. Откупались своей вот этой своей родительской любовью, деньгами, как я думал. И считал, что мне внимания не уделяли. Поэтому подался в эту неформальную субкультуру «эмо». Была попытка суицида, но остался жив. Подумывал уже второй раз о попытке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.